

История войны и владычества русских на Кавказе. Том 5

Источник: http://apsnyteka.org/1456-dubrovin_n_istoria_vojny_i_vladychestva_russkikh_na_kavkaze.html

Сохранено в архиве decolonial.ist: 26.06.2026 · файлов в оригинале: 1

Николай Дубровин

История войны и владычества русских на Кавказе. Новые главнокомандующие на Кавказе после смерти князя Цицианова. Приготовления Персии и Турции к открытым военным действиям. Том 5

Оформление художника Е.Ю. Шурлаповой

Глава 1

Положение дел после смерти князя Цицианова. Состояние войск. Происшествия в Имеретии и Грузии. Назначение графа Гудовича главнокомандующим. Краткий обзор края и боевых средств, на которые мог рассчитывать главнокомандующий. Число войск. Предположения правительства о предстоящих действиях. Мнение по этому вопросу графа Гудовича. Прибытие главнокомандующего в Георгиевск. Переговоры его с кабардинцами и чеченцами

Происшествие под Баку, так печально окончившееся изменническим убийством князя Цицианова, поставило отряд, блокировавший эту крепость, в самое невыгодное положение. За несколько минут перед тем занятие крепости казалось несомненным; теперь же все невзгоды обрушились на недавних победителей. С тех самых стен, на которых должен был развеяться русский флаг, открыт был по нашим войскам сильный огонь, заставивший их отступить и расположиться неподалеку от города.

Генерал-майор Завалишин, как старший, принял начальство; положение его, как начальника, было далеко не завидное.

Простояв более месяца под крепостью и продовольствуясь половинною долей, отряд был без лошадей, переполнен больными, стоял в снегу, без хлеба, без дров, без одежды и амуниции. По неимению достаточного количества лазаретных вещей, больные лежали на земле под покрывалом одних шинелей, в большинстве изодранных; у многих солдат не было белья. Жестокие вьюги, начавшиеся с 4 февраля и продолжавшиеся непременно то с дождем, то со снегом и морозом, развили болезни; много было обмороженных[1]. В отряде было здоровых не более тысячи человек, из которых только треть в состоянии была владеть оружием; остальные были до такой степени слабы, что не могли быть употреблены на службу. Вода,

годная для приготовления пищи, была под выстрелами крепости, так что войска принуждены были добывать ее из снега и в таком виде употреблять в пищу и питье. С 5 февраля, за неимением дров, люди, в течение нескольких дней, оставались без варки, и генерал-майор Завалишин принужден был употребить на дрова две казенные фуры. Он отодвинулся на шесть верст от Баку и перешел ближе к берегу моря, к тому месту, где несколько недель тому назад сошел с судов.

Постоянный холод и метели все более и более изнуряли солдат, утомленных походом из Грузии, походом, при котором они должны были везти на себе большую часть тяжестей. Теперь все чины отряда были поставлены еще в худшее положение и принуждены драться за каждое полено, посылать отдельные отряды в соседние селения за дровами и нефтью. «Я собрал, – доносил Завалишин, – до 400 четвертей сухарей, кои уже истощаются. Судов – только транспортов десять и три военных, из коих один галиот. Отряд же, теперь под моим начальством состоящий, остается на пустом берегу, без дров и лошадей. Из сих последних, от бескормицы и худобы, многие ежедневно падают, и самая флотилия в неминуемой гибели. Нет другого средства спасти отряд, как сесть на суда... Если удастся достать нефти и напечь скоро хлеба, также на сем бесплодном берегу налиться, без помешательства от ветров и пересечь на суда, то что-либо спасено быть может. Одним словом, всемиловейший государь, мы заведены в такую западню, из которой разве единая только десница Божия вывести нас может»[2].

Оставаться на одном месте без всякой деятельности было бы более чем неблагоприятно, и Завалишин 11 февраля 1806 года собрал военный совет из наличных командиров частей и штаб-офицеров. Два-три голоса было подано в пользу штурма, но большинство членов совета было противного мнения и о дальнейших действиях выражалось крайне неопределенно, предоставляя усмотрению самого Завалишина штурмовать или нет Баку.

Последний предпочел сесть на суда и отплыть на остров Сару. Отправив на удачу курьера в Георгиевск, генерал Завалишин просил командовавшего войсками на линии, генерал-лейтенанта Глазенапа, прислать ему на остров Сару какой-нибудь шкоут с сухарями и заготовить их в Сладкоеричной пристани, куда думал отплыть с острова Сары и пробраться потом к Кизляру.

На острове Саре положение отряда немного улучшилось. Глазенап не успел сделать необходимых заготовлений, и войска ощущали большой недостаток в продовольствии. Завалишин принужден был торопиться отплытием с острова, и ровно через месяц отряд прибыл в Кизляр, где десантное войско было распущено по своим местам, полки, бывшие в Грузии, оставлены на линии, а в Закавказье высочайше повелено отправить всех рекрут, следующих на пополнение тамошних войск, и Троицкий мушкетерский полк, совершенно укомплектованный и исправный[3].

Со смертью князя Цицианова явилось три начальника на Кавказе: на линии – генерал-лейтенант Глазенап, а в Закавказье – генерал-майоры Портнягин и Несветаев. Первый был уполномочен еще князем Цициановым, который, выступая в поход под Баку, назначил Портнягина командующим остальными войсками в Закавказье, а генерал-майор Несветаев признавал за собой это право по старшинству в чине. Приехав из Памбак в Тифлис, Несветаев написал приказ о своем вступлении в командование войсками и 8 марта собрал совет для решения вопроса о предстоявших действиях, как относительно обеспечения границ, так и

внутреннего управления краем[4]. Совет этот не имел серьезного значения и не мог постановить никакого определенного решения; никто из присутствовавших не имел сведения ни о состоянии края, ни о расположении войск. Генерал Портнягин в совете не принимал никакого участия, а канцелярии главнокомандующего не было в Тифлисе, и потому собравшиеся на совещание не знали предначертаний правительства.

Совет постановил заняться исключительно обеспечением границ и продовольствием войск. Тогда Портнягин отправил Глазенапу копию с предписания, данного ему покойным князем Павлом Дмитриевичем, по которому он назначался начальником всех войск, облегающих Грузию или, иначе сказать, расположенных в Закавказье. Руководясь правилами старшинства, Глазенап признал, однако же, генерала Несветаева временно командующим, но оставил за собой право давать ему приказания из Георгиевска. Портнягин не согласился с авторитетом Глазенапа и не хотел отказаться от власти. Как он, так и Несветаев требовали, чтобы начальники частей относились к ним по делам службы; каждый отдавал свои приказания, делал распоряжения и требовал их исполнения.

Дела в Закавказье с каждым днем все более и более запутывались, и двойственность власти вела только к беспорядкам. «В рассуждении сего, — доносил полковник Карягин, — испрашиваю с обеих сторон согласного, одного предписания, к кому именно относиться, ибо в службе его императорского величества должен быть один главный начальник отделенным войскам. А как я служу его величеству и любезному отечеству, как сын оного, притом желаю общественной пользы, посему за нужное считаю известить ваше превосходительство, что по теперешним смутным обстоятельствам и по причине смерти князя П.Д. Цицианова нужно единое согласие и исполнение всех его благих намерений и заведений. А как уже неприятельские партии появляются в границах наших и буде узнают расстройство в начальстве нашем, то, конечно, причтут совершенно слабостям нашим и потщатся с большим усилием делать грабежи и опустошения»[5].

Чтобы прекратить раздоры, император назначил генерала Глазенапа временно командующим всеми войсками, впредь до назначения главного начальника всего края.

Отсутствие единства и строгой последовательности в действиях могло иметь самые гибельные последствия, в особенности в крае, населенном горскими племенами, признававшими власть в лице одного человека и привыкшими считать все предприятия зависящими единственно от того лица, которое приводит их в исполнение.

Все покорившиеся нам ханы больших и малых владений, собственно говоря, не признавали над собой власти русского правительства и не понимали этого слова. Они покорились русскому *инспектору* князю Цицианову, как называли они князя Павла Дмитриевича[6]. Перед ним они ползали, унижались, лестили и его одного боялись. Неизменное слово его было для всех законом, и сам князь Цицианов в глазах тех же ханов был именно то, что они называли Россией. Такой узкий взгляд был причиной изменнического поступка бакинского хана, человека, по-тамошнему, умного и близко знакомого князю Цицианову. Если бы Хусейн-хан сознавал, что со смертью *инспектора* он не избавится от покорности России и что явится другой точно такой же главнокомандующий, то, конечно, не решился бы на столь коварный поступок. Хусейн посягнул на жизнь князя Цицианова в полном убеждении, что с его смертью прекратится и всякая зависимость хана от России.

Точно таких же убеждений были все прочие ханы, и вот причина, почему происшествие под Баку с быстротой молнии разнеслось по всему Закавказью и во многих местах было ознаменовано торжественным празднеством.

«Сие происшествие, – сказано в записке, приложенной к всеподданнейшему докладу, – должно было необходимо произвести чувствительное влияние на умы азиатских народов, привыкших к необузданности, которые взирают с завистью на утверждающуюся между ними власть российскую и которые с отвращением, рождаемым разностью нравов и религий, повинуются чужестранной власти, или боятся подпасть под оную, будучи к тому побуждаемы с одной стороны силой оружия, с другой – собственными их неурядицами и междоусобными враждами»[7].

Пользуясь временным замешательством в администрации края, все владельцы встрепенулись и готовы были уклониться от зависимости, наложенной на них нашим правительством. В числе первых лиц, явно выказавших свое недоброжелательство к России, был имеретинский царь Соломон.

Присоединив Имеретию против желания Соломона, мы приобрели в лице его тайного врага, готового на все хитрости, козни и коварства, лишь бы только восстановить свою прежнюю самостоятельность. Склонность имеретин ко всякого рода переменам была причиной, что и от самого народа непоколебимой верности ожидать было невозможно. В Имеретин не было того, что мы привыкли подразумевать под словом *народное единство*; каждый шел врозь и заботился о собственном благосостоянии. От этого происходило, что тот, кто был предан нам сегодня, мог быть заклятым врагом завтра. В князьях всего царства мы встретили, по словам современника, «предателей и изменников, готовых себя оказать таковыми при первом удобном случае»; в народе – людей привыкших к грабительству и присвоению чужой собственности, людей забитых, угнетенных и не имевших достаточной твердости, чтобы заявить желание о перемене к лучшему своей участи.

Зная характер народа и предательство князей, генерал-майор Рыкгоф, находившийся в то время в Имеретин, тотчас по получении известия о смерти князя Цицианова и о неудаче его под Баку занял одним батальоном Белевского полка Кутаис, столицу Имеретин, и местечко Марани, где находился наш провиантский магазин[8].

Предположения Рыкгофа скоро оправдались. Смерть князя Павла Дмитриевича и сомнительное положение дел наших относительно Порты подавали большие надежды Соломону на возможность восстановить свою независимость и отделиться от России. В Имеретин дела запутывались. Генерал Рыкгоф, по своим преклонным летам, был мало способен «как духом, так и телом к военным действиям» и энергическим мерам. Соломон и его приближенные видели это и пользовались случаем. Царь прекратил сношение с русскими, не отвечал на письма начальствующих лиц, не думал назначать депутатов к высочайшему двору, а говорил, что пошлет в Петербург одного из своих доверенных, и не иначе как в качестве посланника. Не ограничиваясь этим и не скрывая уже своего недоброжелательства к России, имеретинский царь портил дороги, заваливал их засеками, прерывал сообщение с Мингрелией и намерен был атаковать Кутаис.

Он успел заставить многих князей присягнуть ему и дать обещание вооружить своих людей для нападения на столицу Имеретин. От грузинского царевича Александра явился посланный, который, склоняя Соломона к восстанию, говорил, что если царь будет действовать против

русских, то ахалцихский паша пришлет ему в помощь лезгин. Соломон собирал ополчение и подготавливал запасы продовольствия; его агенты разъезжали по селениям, волновали имеретин и в особенности жителей Лечгума. Посланные царя уверяли последних, что Соломон заставит русские войска оставить Имеретию и тогда разорит всех ему противящихся.

Вся Имеретия волновалась, и положение русских войск становилось весьма затруднительным. Запас продовольствия в Белевском полку приходил к концу, а подвоз провианта из Тифлиса сопряжен был с большими трудностями; на доставку же его морем через Поти также рассчитывать было нечего: комендант потийской крепости просил 500 голландских червонцев за то только, чтобы дозволить выгрузить наш хлеб, привезенный в Поти[9]. Оставалось одно средство: покупать хлеб на месте, но и этот источник скоро иссяк, так как царь запретил привозить его в город и продавать нашим войскам. Генерал Рыкгоф требовал, чтобы Соломон, на основании заключенного трактата, доставил положенное количество провианта, но царь отказался это исполнить.

– Выведите войска из Кутаиса, – говорил он, – и поставьте их в другое место, тогда доставлю все необходимое.

Но как было возможно оставить столицу Имеретин, когда батальон Белевского полка, шедший из Хопи в Кутаис, имел уже перестрелку с войсками Соломона, перестрелку, вследствие которой двинуты были к границам Имеретин войска из Карталинии[10].

Поступки Соломона, по необходимости, должны были, до времени, оставаться безнаказанными, ввиду тех волнений, которые происходили почти повсеместно. Прилежавшие к Карталинии осетины волновались и отказывались от повиновения; ахалцихский паша покровительствовал хищническим набегам лезгин, давал им убежище, и границы Грузии были в постоянной опасности. Со стороны Персии собирались значительные толпы вооруженных и заметны были еще большие приготовления. Дагестанцы, владения которых прилегали к Кахетии, имея постоянные сношения с Баба-ханом, готовились через Нуху вторгнуться в пределы Грузии и хвалились тем, что завладеют всей Ганжей.

– Пусть жители Ганжи (Елисаветполя), – говорили они нашему посланному, – готовятся быть нашими рабами.

Ни увещания, ни угрозы не действовали на джаро-белоканцев. Видя ничтожность русских сил в Закавказье и кичась помощью, полученной от Сурхай-хана Казикумухского, они рассчитывали на многое и продолжали грабить жителей окрестных селений. Разбросанное положение наших войск и обширность границы, проходившей по хребтам гор, изрытых множеством глубоких ущелий, покрытых лесом, позволяли партиям хищников вторгаться безнаказанно в наши владения. Местность, способствовавшая к совершенному отрезанию постов, требовала с нашей стороны, в обеспечение от прорыва хищников, или составления самостоятельных отрядов, или образования особых резервов, могущих подать помощь тем сторожевым постам, которые будут в том нуждаться. Закавказскому начальству не представлялось возможным сделать ни того ни другого.

Большая часть полков была некомплектна и неподвижна за неимением обоза и лошадей, убыль которых была так значительна, что во многих казачьих полках половина людей была спешена. К тому же самое расположение войск в Закавказье находилось в полной зависимости от продовольствия, закупаемого, почти исключительно, в Карском пашалыке. В начале 1806

года войска ощущали недостаток в продовольствии, потому что в Турции распространилась заразная болезнь, затруднявшая сношения между жителями и почти прекратившая возможность приобретать хлеб. В обеспечение от прорыва заразы в наши пределы, местное начальство принуждено было устроить карантин и учредить новые посты, а следовательно, усилить сторожевую службу войск, и без того обремененных и изнуренных. Хотя в Грузию и отправлен был с линии Троицкий мушкетерский полк[11], но, считая прибавку одного полка слишком недостаточной для защиты края, Глазенап просил разрешения командировать туда еще один пехотный и два донских казачьих полка.

Между тем политические события в Европе отвлекали внимание правительства в иную сторону, так что деятельность наша в Азии и у подошвы Кавказских гор становилась второстепенной. Участие, которое принимала Россия в делах Европы, привлекало все наше внимание к западной границе, вблизи которой, в короткое время, произошли весьма крупные события. В то время часть русских войск находилась уже в Германии, а вслед за тем последовала война между Францией и Австрией. Несчастья, постигшие Австрию, в продолжение с небольшим двух месяцев, потеря всей австрийской армии и занятие столицы неприятелем произвели совершенное расстройство во всех частях государственного управления.

Храбрость русских войск не могла спасти Австрии, стоявшей на краю гибели. Претерпевая во всем недостаток и перенося все трудности, наши войска хотя и боролись с успехом, но, вынужденные сразиться со всей французскою армией, успевшей соединиться между Брюном и Ольмюцем, близ Аустерлица, должны были уступить превосходной силе неприятеля, имевшего на своей стороне все выгоды позиции. Будучи личным свидетелем подвигов русской армии и видя причины, заставившие ее уступить многочисленному врагу, австрийский император пришел к убеждению в необходимости прекратить военные действия.

Между Австрией и Францией заключено было перемирие на 24 часа, которое потом, после свидания австрийского императора с Наполеоном, было продолжено, с условием, чтобы русские и французские войска одновременно выступили из австрийских владений. По своему обыкновению, Бонапарте нарушил данные обязательства и заставил Австрию подписать мирные условия, по которым она лишилась Тироля и всех венецианских областей. Истрия и Далмация присоединены к королевству Итальянскому, и, таким образом, владения Наполеона становились пограничными с Портой.

Не было никакого сомнения, что Франция воспользуется всеми выгодами такого соседства. Можно было предвидеть, что Порта, утраченная угрозами Наполеона или обольщенная обещанием возвратить ей области, потерянные во время войн с Россией, перейдет на сторону Франции и, несмотря на все наши старания сохранить с турецким правительством доброе согласие, оно посягнет на поднятие против нас оружия. В этом последнем случае положение главнокомандующего на Кавказе могло быть весьма затруднительным. Ввиду продолжающейся войны с Персией, ему пришлось бы бороться одновременно с двумя неприятелями: персиянами и турками.

Предвидя возможность подобных обстоятельств, петербургский кабинет предлагал еще князю Цицианову привести к скорейшему окончанию внутренние дела края и если представится возможность, то заключить мир с Баба-ханом и даже стараться привлечь его на свою сторону, для действия против турок[12]. Скорое осуществление подобного желания было не в силах

главнокомандующего. По тогдашнему положению края, не связанного прочно с Россией, по состоянию политических дел и боевых средств нельзя было не видеть, что Баба-хан не согласится на заключение выгодных для нас условий мира до тех пор, пока вновь не испытает сильного поражения, нанесенного ему нашими войсками. Напротив, по всем получаемым сведениям известно было, что властитель Персии собирает значительные войска, с намерением вторгнуться в наши границы, защищенные небольшими отрядами русских войск.

Протянув свои войска от Баку вдоль по Куре и Араксу до Эриванской области, Баба-хан намерен был сам с несколькими отрядами вступить в Елисаветпольский округ, Карабахское и Нухинское (Шекинское) ханства, а сына своего Аббас-Мирзу, вместе с царевичем Александром, отправить в Памбаки и Шурагель. Призванные к оружию лезгины должны были в то же время атаковать русские войска, расположенные вдоль реки Алазани.

В апреле значительное число персидских войск собралось в Талыни, с намерением напасть на Шурагельскую провинцию. Не решаясь действовать открыто, они ограничивались разбойничьим нападением на отдельные селения шурагельских жителей. Тогда находившийся вблизи этого сборища полковник Симонович, с тремястами человек пехоты, сотней казаков и с некоторым числом татарской конницы, выступил ночью, 19 апреля, пошел форсированным маршем в Талынь, куда и прибыл на рассвете. Персияне, узнавшие о его движении, не решились принять боя и бежали в Эривани. Вслед за тем 29 апреля отряд персиян в числе семисот человек показался в виду разоренного селения Сухан-Верды и угнал гумринский скот. Посланный под начальством Кавказского гренадерского полка майора Шмидта отряд догнал неприятеля, взял девять человек в плен, отбил весь скот, 120 лошадей и много разных военных доспехов.

Сосредоточение в нескольких пунктах вблизи наших границ персидских войск и появление одновременно в нескольких местах, среди магометанского населения, фирманов Баба-хана, призывавших к единодушному соединению против русских, показывали, что властитель Персии имел в виду не одни только внешние военные действия, но намерен был восстановить врагов и в недрах Грузии, среди ее многочисленных поклонников Магомета. При тогдашнем безначалии в Закавказье и отсутствии единства власти, внутренние враги приобретали гораздо большее значение, чем внешние ополчения.

Временно командовавший войсками генерал Несветаев просил о присылке новых сил и доносил, что в самой Грузии начались волнения от распространения ложных слухов.

В Тифлис приехал поручик лейб-гвардии гусарского полка князь Роман Багратион, родной брат князя Петра Ивановича Багратиона, бывшего впоследствии, в 1809 году, главнокомандующим на Дунае и умершего от раны, полученной в 1812 году в Бородинском сражении. Рассказывая всем, будто приехал по поручению императора Александра, для улучшения быта грузинского народа, князь Багратион стал дурно отзываться о начальствовавших лицах, говорил, что князь Цицианов действовал произвольно и вопреки желаниям императора.

Рассказы молодого князя, только что приехавшего из столицы, взволновали грузин, съехавшихся в Тифлис для новых дворянских выборов. Многие поверили на слово юному гусару, и между собравшимися начались ссоры, тайные совещания и подписки. В короткое время образовались две враждебные партии, и ссора между ними дошла до драки, едва не кончившейся смертоубийством. Некоторые более благоразумные князья обращались к

правителю Грузии, прося разъяснения причины тайных совещаний и соборщ. Князья эти заявили, что довольны русским правлением, что не желают ни о чем просить государя императора и что будут «довольны всем, что он своей благостью и неизреченным правосудием указать изволит»[13].

Народ, не знавший, о чем спорят князья и дворяне, выводил свои заключения, часто нелепые, и начал волноваться. Генерал Несветаев признал необходимым выслать князя Багратиона из Грузии, но, при отъезде своем, юноша успел, однако же, взять с собою прошение некоторых грузинских князей и дворян на имя князя Петра Ивановича Багратиона. В прошении этом подписавшиеся просили:

- 1) Производить суд в Грузии по обычаям страны, поелику, говорили они, «не ведаем мы ни языка российского, ниже грамоты».
- 2) Уничтожить капитан-исправников, а казенные селения передать в управление грузинских князей, наименовав их, по-прежнему, моуравами, с тем чтобы моуравствами владела одна фамилия, по праву наследства.
- 3) Права и преимущества грузинских князей и дворян сравнять с русскими князьями и дворянами.
- 4) Назначить пенсии, и в том же размере, тем князьям, которые получали их при грузинских царях, а остальным, всем без исключения, определить также содержание по достоинству каждого.
- 5) Благородных отличить каким-либо знаком, «дабы солдаты признавали за благородного и не могли причинять обиды».
- 6) Освободить арестованных по разным случаям.
- 7) Не судить уголовными законами воров, а судить по законам царя Вахтанга.
- 8) Давать провиант грузинским войскам наравне с русскими.
- 9) Поспешить назначением главнокомандующего, «ибо неприятели уже пробрались внутрь границ»[14].

Молва о присылке князя Багратиона, так сказать, для проверки действий кавказского начальства, быстро распространилась по всей Грузии и даже зашла за ее пределы. Многие из подвластных ей горских племен, надеясь на льготы и новые милости, также заявляли свои претензии и волновались. В числе первых были хевсуры. Недовольные своим моуравом, они выгнали его из своих владений и сделали двукратное нападение на пост Тионетский, состоявший из двух рот, при одном оружии. Нападение это, оставленное без наказания, по причине проходов и местоположений, их защищающих, ободрило хевсур. Заявив, что не желают иметь при себе ни моурава, ни пристава, они делали набеги, соединяясь с другими бунтующими и соседними им народами.

В ограждение от подобным нападений, по всем входам и выходам из ущелий были поставлены наши войска, и хевсуры очутились запертыми в своих бесплодных горах и в своей дикой местности. Они пришли в крайнюю бедность, претерпевали недостаток в хлебе и соли, получаемых ими из Грузии[15]. Выгоняя прежде скот свой для пастбы в зимнее время в Грузию, хевсуры принуждены были теперь оставлять его в своих горах. От холода и сильной

стужи скот падал, но туземцы, несмотря на то что терпели недостаток почти во всем самом необходимом, не просили прощения. Страх наказания и боязнь иметь начальника не по своему избранию останавливали всякое побуждение их к покорности. После нападения хевсур 6 апреля на Тионетский пост, где они были разбиты, правитель Грузии вошел с ними в переговоры. Предложение выбрать самим себе моурава было принято хевсурами с радостью. Отправив тотчас же своих старшин в Тифлис, они просили назначить им моуравом князя Ивана Челокаева[16]; разрешить свободный проезд в Грузию и возратить им виноградный сад в Кахетии, который был передан в их собственность грузинскими царями, а потом отобран в казну и приносил 160 руб. ежегодного дохода.

Император Александр приказал удовлетворить все просьбы хевсур и утвердить князя Челокаева моуравом[17].

Все эти происшествия требовали скорейшего назначения на Кавказ главного начальника, который бы единолично управлял делами края. Вместе с тем необходимо было укомплектовать войска, находившиеся на линии и в Закавказье, так как, по мнению министра иностранных дел, «ни в каком случае, а наипаче при теперешних сомнительных расположениях Порты Оттоманской, не должно помышлять об оставлении приобретенных в Персии и Грузии завоеваний»[18].

Укомплектование это необходимо было произвести не рекрутами, для обучения которых пришлось бы отделить еще часть действующих сил, а готовыми старыми солдатами, или командированием новых полков, как пехотных, так и казачьих. Император приказал на укомплектование полков, находившихся в Грузии, употребить нижних чинов из гарнизонов кавказской инспекции и из гарнизонных батальонов Саратовского и Симбирского. До тех же пор, пока войска не укомплектуются окончательно или не придут свежие, решено было употреблять деньги, которые всегда имели большое действие в Персии[19].

Не меньшая необходимость была и в том, чтобы флотилия на Каспийском море была также приведена в должный вид и могла бы служить как поддержкой для сухопутных войск, так и для наблюдения за господством русского флага и за тем, чтобы на Каспийском море не было ни одного вооруженного персидского судна, даже и в том случае, если бы заключен был мир с этою державою. Относительно последнего решено было, под благовидным предлогом, открыть переговоры с Баба-ханом; согласиться даже на признание его шахом, но с тем, чтобы границей между обеими державами были признаны реки Кура и Араке.

Имея в виду религиозную вражду, существовавшую между персиянами и турками, наше правительство надеялось, при успешном ходе переговоров, убедить тегеранский двор действовать с нами заодно против турок, если бы последние открыли неприязненные действия против России.

Для приведения в исполнение всех предположений правительства было избрано лицо, бывшее на Кавказе и несколько знакомое с положением тамошнего края. Высочайшим приказом, 2 июня, граф Иван Васильевич Гудович назначен главнокомандующим на Кавказской линии и в Грузии.

Положение вновь вверенного ему края было далеко не то, каким он оставил его в конце прошлого столетия. Русское владычество не ограничивалось уже одною Кавказскою линией, но распространилось и в Закавказье в довольно значительных размерах. Россия владела в

новоприобретенных землях и ханствах, не считая Грузии, населением, доходившим до 120 000 дворов[20]. Население это почти в шесть раз превышало население Грузии, а пространство новоприобретенных земель было в три раза более ее протяжения. Территория всех вообще завоеваний наших, начиная от берегов Черного моря и до Баку, имела около 700 верст длины, а от Дарьяла до карабагских пределов до 350 верст поперечника. Обильная природа этих областей давала полную надежду в будущем на богатую разработку хлебопашества, шелководства, виноделия и ожидала только рук и внутреннего спокойствия населения, весьма разнохарактерного по образу жизни и скорее преданного военному ремеслу, чем мирным сельским занятиям.

По числу населения всегда можно определить приблизительно количество вооруженных людей. В Азии в этом отношении считают на каждый двор одного человека, годного нести оружие. По этому расчету число вооруженных надо было предполагать в 120 000 человек, а включая сюда и Грузию, выходило, что все завоеванные области могли выставить более 140 000 воинов.

Эта, так сказать, земская сила разделялась на три части: 1) на явно противную интересам России, 2) на подозрительную и 3) на бездейственную.

К первой принадлежали осетины, жившие в Грузии, татары, обитавшие в Памбаках и Борчалах, и лезгины Джаро-Белоканского округа, народ необузданный, дикий, привыкший к своевольной жизни. Союзниками их были: Сурхай-хан Казикумухский, дагестанские независимые общества и соседи их, шекинские жители.

Ахмет-хан Аварский вступил в подданство в 1802 году, по смерти отца своего Омар-хана, злейшего неприятеля Грузии. Он был молод и не имел власти в народе, не знавшем повиновения и по произволу своему соединявшемся с неприятелями России. Недостаток военных сил и крепкие места, в которых жили лезгины, его подданные, лишали всякой возможности наказывать их за производимые грабежи, так что к обузданию их не было другого способа, как деньги и терпение.

Уцмий Каракайдакский Абдул-бек и кадий Табасаранский, вступившие также в 1802 году в подданство, мало подавали надежды к выполнению своих новых обязанностей. Вообще подданство горских народов можно было считать только наружным и нимало не действительным. Из знатнейших дагестанских владельцев Сурхай-хан-хамбутай Казикумухский был один не покорившийся русскому оружию. Благоразумие и храбрость его привлекли к нему почтение всех горских народов.

В подозрительную часть населения входили татары казахские, Имеретия, ханства Шемахинское (Ширванское) и Шекинское (Нухинское). Первые два народа по опыту оказались двуличного поведения, а последние, по постоянному их сношению с горцами и недавнему подданству, не могли быть причислены к тем, на которых можно было положиться. Имеретинский царь Соломон, человек недоверчивый, двуличный, несколько раз показывал уже недоброжелательство и России. Главная причина неудовольствия его на наше правительство лежала в давнишней вражде между Имеретией и Мингрелией, из которых последняя заступничеством России была избавлена от притеснений имеретинского царя.

Наконец, в число подозрительных надо отнести и Ших-Алихана Дербентского, человека коварного, честолюбивого, на подданство которого нельзя было рассчитывать до тех пор, пока

не будет русского гарнизона в Дербенте. Неприятель его, Мустафа-хан Ширванский (Шемахинский), человек честолюбивый и деятельный, был издавна недоброжелателен России и принужден покориться ей силою оружия. Будучи одним из сильнейших, он пользовался общим уважением соседей, а потому, как человек коварный, обращал на себя особое внимание нашего правительства.

Грузия и Мингрелия в большинстве своем были, конечно, преданы России и составляли часть бездейственную. Опыт прошедших лет показал, однако же, что грузины, несмотря на их усердие, неспособны к содействию регулярным войскам, по свойственному им непослушанию, беспорядку и привычке к своеволию. Наконец, малое население и слабость хана Карабагского (Шушинского) заставляли также и его включить в часть бездейственную. Мегдий-шамхал Тарковский, предки которого издревле находились в российском подданстве, был преданнейшим из горских владельцев. Если бы с силами и выгодами его положения соединены были личные достоинства, которых он не имел, то усердие этого владельца могло бы быть весьма полезно для дел того края; но, при тогдашнем положении шамхала, о нем можно было сказать только то, что он безвреден русскому правительству.

Таким образом, главнокомандующий не мог рассчитывать не только на содействие войскам со стороны местных жителей, но, напротив того, должен был зорко следить за самым населением и, в случае волнений, употреблять на усмирение его те незначительные силы, которые, находясь в его распоряжении, оставались свободными от внешних действий с неприятелем.

Число наших войск, находившихся в Закавказье, состояло тогда из девяти пехотных, одного драгунского, пяти казачьих полков и одного батальона артиллерии в 48 орудий, состоявшего из двух рот батарейных и двух легких[21].

Войска эти должны были охранять границы и внутренние сообщения в Грузии, Имеретин и Мингрелии, защищать Памбаки, Елисаветполь, Маданское ущелье против Дагестана, Александровский редут и другие пункты, лежащие по р. Алазани. Ханства Карабагское, Шекинское и урочище Джават, где Араке сливается с Курой, также не могли быть оставлены без охраны русских войск, присутствие которых там было вполне необходимо для удержания в страхе Персии и Дагестана.

Заняв все эти пункты самым необходимым и ограниченным числом войск, главнокомандующий, в случае надобности, мог составить отдельный отряд, ни в каком случае не превышающий двух или трех тысяч человек. Это последнее число и составляло, можно сказать, всю боевую силу, с которой он должен был отражать неприятельские нападения; остальные войска были заняты гарнизонной и сторожевой службами. Верность такого вывода доказывается всеми экспедициями, при которых были сами главнокомандующие. Так, в Эриванской экспедиции в отряде князя Цицианова было около 3000 человек, в экспедиции его же в 1805 году было только 1200 человек, а в последней экспедиции под Баку находилось 1379 человек.

Это ничтожное число войск составляло защиту весьма обширного театра действий.

За пограничной чертой и за реками Курой и Араксом находились владения ханов: Эриванского, Нахичеванского, Талышенского, Тавризского, Карадагского, Хойского и Шагахского. Мехмед-хан Эриванский известен был нам как человек двуличный и недоброжелательный России. В 1804 году он обещал сдать свою крепость и русским, и

персиянам, но ни тех ни других не впустил в Эривань, придерживаясь персидской политики, которая состоит в том, чтобы оправдаться перед тем, кто решительно одолеет своего неприятеля.

По последним сведениям, посланные Баба-ханом войска успели захватить Мехмед-хана в свои руки со всем семейством и отвезли в Тегеран в заключение.

Союзник Мехмед-хана, с которым он находился в искренней дружбе, Киал-балы-хан Нахичеванский, был одним из самых благоразумнейших ханов Персии, хотя также нерасположенный к России.

Мир-Мустафа-хан Талышенский – человек, соединявший с глупостью двуличность. Незначительность его владений делала его ничего не значащим в Персии. Хотя Мир-Мустафа и находился с давних пор под покровительством России, хотя он получал от нас несколько раз помощь и убежище на военном фрегате, стоявшем у Энзелинского залива, но все это не помешало ему, однако же, во время Эриванской экспедиции князя Цицианова дать Баба-хану в помощь свои войска, действовавшие против русских.

Остальные ханы хотя и могли считаться нам преданными, но зато не имели никакого значения в Персии.

Рассмотрев, таким образом, как внутреннее, так и внешнее положение страны, легко заметить, что протяжение границы вновь присоединенных земель было весьма обширно и несоразмерно с числом военных сил, занимавших и охранявших эти владения. Правда, что большинство ханов и владетелей, как покоренных русским оружием, так и находившихся во власти Персии, далеко не было расположено к Баба-хану, а скорее ненавидело его, тем не менее положение войск и главнокомандующего было затруднительно, потому что почти каждый владделец хлопотал о своей независимости и всегда готов был уклониться от подданства и принятых им на себя обязательств. Затруднение увеличивалось еще и тем, что петербургский кабинет, соображаясь с политическим положением России относительно европейских держав, твердо решился не подкреплять вовсе или очень мало войска, находящиеся в Грузии, но вместе с тем желал сохранить то влияние, которое было приобретено в Персии и для поддержания которого необходимо было скрыть от тегеранского двора ничтожность наших боевых средств.

Если бы главнокомандующий спросил теперь, как ему достигнуть этой цели с теми незначительными силами, которые были у него в распоряжении, то подобным вопросом он поставил бы себя в самое неловкое положение. Ему ответили бы: «Действовать соразмерно с военными силами и с местными удобствами, которые заменяют иногда военные силы»[22].

Рассчитывая на способности главнокомандующего, Министерство иностранных дел ожидало, что он будет в состоянии не только сохранить все завоеванные земли, но и приобрести новые, то есть действовать наступательно.

«Сколько бы ни велики были удобства к расширению пределов наших в Персии, – сказано во всеподданнейшем докладе министерства, – кажется, что в настоящем положении дел предстоит более нужда ограничивать их, нежели оным пользоваться, ибо, сверх того числа войска, которое занимает важнейшие пункты грузинских и персидских границ, необходимо нужно иметь некоторое количество запасного войска, для отражения непредвидимых неприятельских действий со стороны Баба-хана. В противном случае развлечение военных сил может удобно разорвать сообщение отдельных пунктов с центром начальства.

Дабы не уронить приобретенного в Персии влияния, а наипаче после смерти князя Цицианова, который, поселив страх, между горскими персидскими пародами, приобрел от них личное уважение, сие запасное войско еще более нужно. Посредством оного производимые движения, оказательства (?) и при случае оборонительные стычки с неприятелем будут держать персиян в страхе и на некоторое время в неизвестности о действительном положении сил и предприятий российских.

Между тем новому главному начальнику, который имеет быть назначен на место князя Цицианова, поручить сделать экспедицию на Баку, не отлагая оную далее, как до настоящего лета, предписав ему, по взятии города, Хусейн-Кули-хана и наследников его лишить навсегда Бакинского ханства в наказание за злодейский его поступок. После чего приступить к учреждению новой линии по Куре, связывая оную военными постами и укреплениями даже до Елисаветполя.

Город Сальян, при устье Куры лежащий, и урочище Джеват, при стечении Куры и Аракса, необходимо нужно будет занять войсками и построить там военные укрепления, дабы открыть свободное плавание по Куре мелким и плоскодонным судам. Сверх того, сии два пункта, по физическому положению своему, имеют быть главными сборными местами новой прожектированной линии и защитой сообщения Баки с Грузией. Польза, могущая произойти от утверждения сих пунктов, столь важна для тамошних дел, что никакие препятствия не должны отвращать от выполнения сего плана, кроме только одного обстоятельства, если бы случилось, что Мустафа-хан Шемахинский (Ширванский) отложился от нового своего подданства, а таковое опасение, основанное на опытах, соделывается вероятным.

До того самого времени, доколе не приняты будут решительные меры к совершению окончательных завоеваний, российское начальство, будучи в необходимости ограничить предприятия соразмерно с военными силами, может употребить сей промежуток бездействия на устроение в новоприобретенных областях крепостей, дорог, на обеспечение грузинских пределов, на внутреннее благоустройство новопокорившихся народов, на привлечение доверенности собственных персидских ханов, Баба-хану неблагоприятствующих. Таким образом, самое бездействие, в пользу употребленное, положит прочнейшее основание будущим предприятиям.

Следовательно, сокращенное будущее предначертание заключается в следующих главнейших статьях:

- 1) действовать сообразно с силами, значит, на сей раз ограничить, прекратить даже военные действия и воздержаться от новых завоеваний впредь до удобнейшего времени, за исключением занятия Баку, яко лучшей гавани на Каспийском море, и дабы не оставить смертоубийства князя Цицианова ненаказанным. Завоевание сей крепости не может обратиться в тягость Империи или сделаться непрочным, ибо морское сообщение с Астраханью обеспечивает место сие от всех неудобств, которым подвержены другие пункты.
- 2) Поддерживать власть, приобретенную в Персии, демонстрациями, а между тем стараться открыть с Баба-ханом переговоры, на основании высочайших предписаний, данных покойному князю Цицианову, дабы таким благовидным предложением можно было прикрыть бездействие и малые силы войск российских.

3) С горскими народами вести войну по-прежнему, сохраняя возможную бдительность для отражения их наглостей, соразмеряя, однако же, наказание с преступлением, поелику война есть обыкновенный их образ жизни. Но Дагестан непременно и надолго нужно еще держать в блокаде, не подаваясь нимало во внутренность гор, хотя бы представилась к тому временная удобность. Ибо между могущей быть пользой и опасностью нет никакой соразмерности. Единственный способ, могущий быть действительным и полезным против горских народов, состоит в том, чтобы, довольствуясь наружными знаками их подданства, стараться удержать их в блокаде.

Военные границы, по рекам Тереку и Алазани существующие, и предполагаемое занятие западного берега Каспийского моря, до устья Куры, обложив Дагестан со всех сторон, весьма способствовать могут к обузданию лезгин, которые, с одной стороны, мало-помалу приобвыкнув покоряться закону необходимости, а с другой – не будут иметь никакого явного предлога к неудовольствию на российское начальство, защищающее собственные свои пределы.

4) Сие время бездействия или, лучше сказать, оборонительной системы употребить на внутреннее устройство новоприобретенных областей, равно как и на привлечение преданности персидских и горских владельцев, дабы тем самым приготовить и облегчить будущие предприятия».

Надобно сознаться, что, прекращая военные действия с Персией и переходя из наступательного в оборонительное положение, мы делали шаг назад, тем не менее правительство не находило возможным усилить войска, находящиеся в Грузии. Вновь назначенному главнокомандующему поручалось, во время этого, так сказать, бездействия, готовить все необходимое для выполнения впоследствии общего плана относительно протяжения новой линии по Куре и Араксу, для прочного устройства которой необходимо было приобретение Баку, Эривани и Нахичевани.

«Нет ничего нужнее во всяком предприятии, – сказано в докладе министерства[23], – как знать с достоверностью, с чего полезнее начать прежде и что делать после. Одни местные обстоятельства или точное и подробное об оных сведение могут разрешить во всем пространстве сей важный вопрос. Если взять в рассуждение, что разные цепи Кавказских гор окружают или перерезывают те области, в которых производятся военные действия; что Грузия, будучи совершенно отрезана от Кавказской линии независимыми горскими народами, сообщается с оной кавказским ущельем, которого проход, сверх трудности самого пути, подвержен бывает пресечению вовсе от разлития Терека и по причине недоброжелательства горских народов, то из сего явствует, что устройство прочной дороги в кавказском ущелье, несмотря ни на какие трудности и издержки, есть начальный шаг, без коего все прочие не могут иметь надлежащей связи.

Итак, учредить беспечное сообщение Кавказской линии с Грузией есть первый шаг, необходимо нужный. Потом нужно равномерно устроить дороги, ведущие из Тифлиса в Елисаветполь и Шушу, из Тифлиса в Памбаки, яко на сей раз нужные для движения войск и со временем могущие быть полезными для хождения купеческих караванов. В то же самое время, если не встретятся важные препятствия, нужно заняться устройством новой линии по Куре до Елисаветполя, оставляя продолжение линии по Араксу до удобного времени, т. е. до тех пор, пока не откроется случай, добровольно или силой оружия, покорить Эривань и Нахичевань и

тем самым округлить новопрожектированную границу. Но если бы, по малости войск или другим обстоятельствам, удержание линий по Куре произвело в силах наших развлечение, то кажется, что должно принять за правило иметь всегда в виду преимущественно устройство кавказского пути, как главнейшее препятствие к военному сообщению, и устремить на оное все способы и неусыпное внимание.

Из сего явствует, что самая естественная постепенность есть следующая:

- 1) устроить дорогу в Кавказском ущелье;
- 2) устроить дороги, идущие из Тифлиса в Имеретию, Мингрелию, в Елисаветполь, Шушу и в Баку;
- 3) за ними или вместе, буде возможность откроется, следует учреждение линии по Куре до Елисаветполя.

Трудно и бесполезно было бы исчислять все прочие постепенности будущих подвигов, когда на исполнение всего вышесказанного нужно употребить в продолжение нескольких лет прилежнейшие старания, сопряженные с большими издержками и с непредвидимыми случаями. По совершении сего важного начала, время и обстоятельства укажут сами дальнейшие распоряжения, которые истекать будут из общего обращения дел государственных».

Масса предположений и обязанностей, возлагаемых министерством на нового главнокомандующего, побудили императора Александра поручить графу Гудовичу изложить свое мнение и представить заключение о предстоящих действиях. 12 июня 1806 года будущий начальник, не выдавший еще вверенного ему края, представил свое мнение и план действий, который и был тогда же утвержден императором[24].

Граф Иван Васильевич, с самонадеянностью, свойственной многим, считал возможным покорить всех ханов и владельцев «великой Армении и Дагестана», заставив их платить России хотя незначительную дань, как знак их подданства. Шамхала Тарковского, как человека издавна преданного России, он считал полезным освободить от платежа такой дани. Непокорных и упорствующих нам ханов изгнать из их владений, которые и разделить между соседними ханами, нам преданными, или такими, на которых можно было положиться. Бакинского хана наказать, имеретинского царя Соломона лишить сана, а Дадияна Мингрельского удостоить особым высочайшим покровительством.

По мнению Гудовича, живших в соседстве Кавказской линии горцев легче всего было успокоить и привести в повиновение увещанием и предоставлением некоторых выгод, нежели оружием, – которым, – писал он, – «хотя они поражены и будут, но, имея верное убежище, уйдут в горы, будут всегда питать непримиримое мщение, им сродное, за поражение, а особливо за нанесенный вред их имению».

Граф Гудович считал необходимым прекратить поиски закубанцев и стараться лаской уговорить ушедших за Кубань татар возвратиться в свои жилища близ Бештовых гор. Главнокомандующий так много верил в силу своего слова и убеждения, что надеялся уговорить чеченцев подвинуть свои селения ближе к реке Тереку, с тем обязательством, чтобы они отвечали за всякое злодеяние, сделанное на Кавказской линии в пределах «их дистанции». Он думал достигнуть этого обещанием отпускать им соль и дозволением, по

примеру кабардинцев, пасти свой скот на левом берегу Терека. «В случае же упорства их или другого затерского народа, – писал граф Гудович, – надобно соседних уговорить для наживы нападать на них» и через то заставить их или прибегать под покровительство русских войск, или искать их защиты.

Принимая на себя трудную обязанность быть преемником князя Цицианова, граф Гудович замышлял и обещал гораздо более, чем в состоянии был исполнить. Это был человек самонадеянный, тщеславный старик, полагавшийся на свою опытность, кичившийся своими заслугами, но уже отживший и бездеятельный.

– Будучи старшим генералом русской армии, – говорил он горцам, – я не даром сюда прислан.

Полагая, что подвиги его известны всем и даже за пределами России, граф Гудович рассчитывал одним своим именем запугать персиян и турок.

– Шпионы должны, – говорил он, – где им можно будет, искусным образом разгласить, что я (рассказав мое прежнее здесь начальство) прислан с большим прибавлением войск и уже в дороге к Тифлису[25].

Приезду своему в столицу Грузии главнокомандующий придавал большое значение, считая, что одного присутствия его в этом городе будет достаточно, чтобы обеспечить области от неприятельских покушений.

– Личное нахождение мое в здешнем краю, – говорил он Мустафа-хану Ширванскому, – должно вас обеспечить от вторжения неприятеля.

Граф Иван Васильевич отправлялся на Кавказ не в первый раз, а это главнейшим образом и вредило успеху. Гордый и самонадеянный, он не принимал ничьих советов, не уважал постороннего мнения и полагал, что хорошо знает край и тамошнее положение дел. На самом деле он знал только одну Кавказскую линию, войсками на которой командовал в течение нескольких лет прошлого столетия. Положение дел в Закавказье графу Гудовичу было до такой степени мало известно, что он в разрезе с общим мнением решился сказать, что со временем будет много и тех войск, которые там находились; что он найдет средства убавить там войска, «в которых, по жаркому климату, от болезней всегда не малая убыль бывает»[26].

Приехав на место, граф Гудович принужден был отказаться от своего обещания и сознать ошибочность мнения, лелеянного им с прошлого столетия, когда владения России простирались не много далее Георгиевска, в котором он разочаровался при последнем своем приезде.

27 июля новый главнокомандующий был уже в Георгиевске, и первое донесение его императору было сознание в своем разочаровании. «По приезде моем на Кавказскую линию, – доносил он, – при первоначальном взгляде нахожу оную не в том положении, как прежде, отъезжая отсюда, оставил»[27]. В Георгиевске Гудович сразу увидел весь Кавказ в том виде, в каком он мог бы его видеть в Петербурге, если бы прочел внимательно доклад министерства.

В Петербурге он обещал успокоить все и всех, а потом убавить войска; в Георгиевске – Глазенап, командовавший Кавказскою линией, не сделал ему встречи, и все обещанное Гудовичем оказалось трудно исполнимым. Главнокомандующему не нравились казармы и конюшни, казавшиеся обвалившимися; он как будто совершенно неожиданно нашел соседних горских народов непокоренными.

«От генерал-лейтенанта Глазенапа, со времени определения моего, — доносил он, — я не получил никакого уведомления, хотя он уже давно известен о высочайшем вашего императорского величества определении меня главнокомандующим здешними войсками, и к вящему изнурению затасканных солдат и расточению казны, при приезде моем сюда, я нашел, что генерал-лейтенант Глазенап самовластно нарядил, сверх того отряда, о котором он доносил, что пошел с оным будто бы для наказания чеченцев, еще отборные команды, для посажения на суда; нарядил и суда из Астрахани, не назначив ведомства его на то суммы; взял с собой всю казну, вещи для подарков и чины, его распоряжению не принадлежащие; словом, все, не оставивши к приезду моему никакой сдачи.

Оставшемуся по нем генерал-лейтенанту Мусину-Пушкину не оставил он ни дел, ни надобной суммы, ни должного наставления, таким образом, что, приехав сюда, должен все сам отыскивать и писать»[28].

Граф Гудович хотел вызвать Глазенапа из экспедиции, но император Александр приказал «дать ему время и способы окончить начатое», и потом, если нужно будет, потребовать его для личного представления главнокомандующему надлежащих отчетов, за все время управления его на Кавказской линии[29].

Оставаясь в Георгиевске в ожидании возвращения Глазенапа, Гудович, по его словам, приводил в порядок Кавказскую линию и вел переговоры с чеченцами и кабардинцами. Мирным путем и обещанием он надеялся привести их к спокойствию и покорности. Кабардинцы жаловались ему на притеснение русского начальства и на разорение их селений войсками, но сознавались сами, что разорение это произведено при экспедициях, назначенных для наказания за их хищничество.

Желая лично переговорить с представителями народа, Гудович приглашал первейших князей приехать к нему в Георгиевск, но князья отвечали, что, по случаю междоусобной вражды между родами, приехать не могут, а когда все успокоится, то приедут. Жившие за Тереком чеченцы хищничали и уверяли, что хищничают также от притеснения русского начальства. Граф Гудович уговаривал их и обещал всем тем, которые останутся спокойными, отпускать соль в неограниченном размере, за самую ничтожную плату; дозволить перегонять скот для пастбы в зимнее время на левый берег реки Терека; улучшить положение их аманатов (заложников верности); оградить чеченцев от притеснений и обид и, наконец, сравнять их с русскими подданными.

Чеченцы остались очень довольны обещанием главнокомандующего, благодарили его, дали слово жить тихо и мирно, но в ту же ночь отогнали скот и увели в плен нескольких мужчин и женщин.

Глава 2

Враждебные действия против наших войск ханов Казикумухского, Шекинского и Карабагского. Измена и смерть Ибрагим-хана Карабагского. Вторжение персиян в наши пределы. Действия генерал-майора Небольсина против персиян. Бой в Ханатинском ущелье. Соединенное действие наших отрядов против цесаревича Александра. Удаление персиян из Карабага. Назначение и

утверждение Мехти-Кули-аги ханом Карабагским. Происшествия в Шекинском ханстве

Желание наказать хана Бакинского за изменническое убийство князя Цицианова не было оставлено, но, прежде чем предпринять экспедицию в Баку, необходимо было привести к окончанию дела в находившихся на пути следования ханствах Карабагском (Шушинском) и Шекинском (Нухинском) и покорить Сурхай-хана Казикумухского.

Едва только получено было сведение о смерти князя Цицианова, как вступившие в подданство России ханы Карабахский, Шекинский, Шемахинский и Сурхай-хан Казикумухский, соединившись вместе, решили не признавать над собой власти России и истребить русские войска, находившиеся в их владениях. Открытые действия против нас принял на себя Сурхай-хан, как человек более решительный и энергичный. Для успеха в деле союзники положили своими демонстрациями заставить русских придвинуть войска из Елисаветполя к Нухе, а от Алазани к Джарам, и тогда пересечь им сообщения и дороги к отступлению, истребить плоты, паромы и занять все переправы. Для достижения этой цели решено было уговорить джаро-белоканских лезгин открыть неприязненные действия, двинуться со стороны Алазани, распустить слух, что будто бы Сурхай-хан намерен низвергнуть Селим-хана Шекинского и только с этой целью идет в Нуху с своими войсками.

Условившись таким образом, союзники стали готовиться к действиям.

Сурхай-хан Казикумухский увеличивал свои силы вновь прибывающими из Дагестана лезгинами. Селим-хан, почти всегда содержавший на жалованье до семи сот человек лезгин, из которых сто человек постоянно находились в воротах крепости и составляли крепостной караул, вдруг отпустил их, а караул себе составил из армян[30]. Подобным поступком и частым отправлением писем к начальникам войск Селим думал замаскировать свои поступки и показаться человеком, преданным России.

17 марта небольшая лезгинская партия, переправившись через Алазань, верстах в тридцати ниже нашего лагеря, расположенного при урочище Пейкаро, угнала 200 баранов, пасшихся неподалеку от места переправы[31]. Вскоре получено было сведение, что джаро-белоканцы, решившись отложиться от России, отправили старшин для переговоров по этому делу к Сурхай-хану, у которого было в сборе до 12 000 глуходар.

В марте Сурхай с двумя сыновьями и войском прибыл в местечко Алмало, лежащее на реке Алазани, в пятидесяти верстах ниже урочища Пейкаро, с намерением напасть на стоявший там отряд князя Орбелиани, численность которого не превышала 770 человек[32]. На обязанности князя Орбелиани была защита госпиталей и цейхгаузов, находившихся в селениях Бодбисхеви и Мачханах, а также подание, в случае надобности, помощи Александровскому редуту. Последний находился на той же реке Алазани, в семи верстах от расположения Орбелиани, и был отделен непроходимым лесом, тянувшимся верст на пять. Если бы лезгины заняли этот лес, то подать помощь Александровскому редуту было бы не только затруднительно, но почти невозможно. К тому же, чтобы достигнуть до редута, необходимо было перейти через реку Алазань по мосту, который лезгины начали было ломать, но были прогнаны.

Согласившись с аварским ханом, обещавшим также прийти к нему на помощь с своими войсками, Сурхай намерен был открыть военные действия захватом поста на реке Куре и движением к Елисаветполю, в то время когда дербентский Ших-Али-хан и Мустафа-хан Шемахинский (Ширванский) придут с своими войсками в Нуху, для соединения и совокупного действия с нухинским (шекинским) ханом. К этому же времени Аббас-Мирза с царевичем Александром и персидскими войсками обещал подойти также к Елисаветполю. Все дело останавливалось теперь только на том, чтобы отвлечь наши силы от реки Алазани и из Елисаветполя к Нухе и тем ослабить эти пункты.

В конце марта, согласно заключенному условию, Сурхай явился в Джарах и отправил к Селим-хану нарочного с уведомлением, что переправляется через реку Куру и следует на соединение с ним. Верный данному обещанию, Селим тотчас же обратился к стоявшему в Елисаветполе полковнику Карягину с просьбою о помощи против мнимых замыслов Сурхая на его владение, и при этом ссылаясь на трактат, по которому в Шекинском ханстве должно было постоянно находиться не менее пятисот человек русской пехоты[33]. Не подозревая измены, полковник Карягин находил просьбу Селима справедливой, спрашивал генерала Несветаева, как поступить в данном случае, и признавал необходимым назначить особый отряд для наказания бунтующих лезгин[34].

Волнения, происходившие внутри Грузии и у хевсур, вторжения эриванских войск в Шурагельскую и Памбакскую провинции, не позволяли тронуть войск с занятых ими постов, так что для составления такого отряда пришлось бы взять войска, находившиеся в крепостях Елисаветпольской, Шушинской, и часть отряда, стоявшего на реке Алазани. Оставить эти посты незанятыми также не представлялось никакой возможности, потому что, при быстроте передвижения лезгин, нельзя было определить точно направления их действий и, следовательно, приходилось быть готовым к отражению одновременно в нескольких пунктах.

Предполагая, что действия Сурхай-хана направлены исключительно в тому, чтобы отвлечь от границ наши силы и дать возможность Аббас-Мирзе и царевичу Александру вторгнуться в наши пределы, Несветаев не решился собирать отряд для наказания лезгин и отложил это до прибытия новых подкреплений. Напротив, узнав о появлении Сурхая в Джарах, он отправил на усиление отряда князя Орбелиани две роты Кабардинского полка и просил полковника Карягина уверить Шекинского хана, что, немедленно по прибытии в Грузию Троицкого-мушкетерского и Донского казачьего полков, будет послан сильный отряд в его владения[35], а до того времени он считает достаточным для отражения неприятеля отряда майора Ребиндера, стоявшего на нашем берегу реки Куры, близ шекинских владений.

Между тем Селим, имея в виду точное исполнение задуманного плана, снова просил помощи против мнимого нашествия Сурхай-хана.

«По обстоятельствам здешнего края, – писал он Карягину, – послал я к вам почтенного Асланбека, с тем чтобы, в нужном случае, мог я взять войско, находящееся в Ореше, для защиты владения моего против неприятеля. Вы в ответ изволили писать мне, что оное объявите начальнику, находящемуся в Тифлисе, и, по повелению его, будете исполнять. Таковые слова другие мысли вселяют в мое сердце, ибо я вошел под покровительство и в подданство его императорского величества (с тем), чтобы, в случае прибытия неприятеля в мои владения, без спросу генералов, полковников и майоров, взяв оное войско против неприятелей, мог наказывать их; да и его императорское величество, в милостивой грамоте своей, пожаловал меня в чин

генерал-лейтенанта и представил мне волю распоряжаться здесь находящимися войсками, с тем чтобы в случае неприятельского покушения на мое владение взял я оное войско и отражал неприятеля, а не то чтобы на мое требование у майора, когда неприятель стоит в четырех агачах (милях) от моего владения, тот уведомлял елисаветпольского начальника, а тот тифлисского»[36].

Селим жаловался на медленность в исполнении его желаний; говорил, что получение разрешения из Тифлиса требует много времени; что от его владений два дня езды до Елисаветполя, а оттуда до Тифлиса три дня, что пройдет десять или двенадцать дней, пока он получит помощь. Если так поступают, писал Селим-хан, то «на что мне быть подданным его императорского величества и давать войскам 700 тагов провианту и 7000 голландских червонцев в подать? Кроме сего упрекают меня мои соседи, что я, отойдя от татар, служу Государю. А как я, по обыкновению российскому, имею чин генерал-лейтенанта и старее по чину других генералов, то надлежит, в таком нужном случае, чтобы здесь находящееся войско было бы в распоряжении моем, а не объявлял бы я другому».

Находя, что при таких условиях чин генерал-лейтенанта для него бесполезен, и опираясь на трактат, Селим-хан настаивал, чтобы ему дана была помощь русскими войсками, а в противном случае требовал от Карягина подписки, что он не в состоянии защищать его владений, и тогда, говорил он, пусть русские войска выйдут из Шекинского ханства. Для лучшего замаскирования своих действий Селим заявил, что Сурхай удостоверяет его в безопасности, если он отправит к нему своего сына в аманаты; что Пир-Кули-хан и другие персидские начальники уговаривают его, отступившись от русских, присоединиться к ним, но что он, в ожидании помощи, не дал им никакого ответа.

Простой и в высшей степени честный человек, каким был Карягин, не мог не поддаться двуличию Селима. Карягину было как-то странно не оказать помощи человеку, просящему ее, хану, вступившему в подданство России; ему странно было видеть, что хищники разоряют и грабят союзника в виду русских войск, и Карягин решился взять на себя исполнение просьбы Шекинского хана. Он приказал майору Ребиндеру двинуться во владение Селим-хана, а вместо него, на переправу к реке Куре, отправил из Елисаветполя 100 человек Тифлисского и 50 человек Кавказского гренадерского полков, с одним орудием[37].

Селим благодарил Карягина за такой поступок, тотчас же выехал из Нухинской крепости с небольшим числом войск и расположился лагерем вблизи нашего отряда, стоявшего на Арватанском поле. Через два дня он приехал к майору Ребиндеру и был принят с почестями.

Соединение Селима с нашими войсками было сделано с единственной целью заявить о своей мнимой преданности и тем ввести нас еще в больший обман. Он привел с собой не более 3000 человек, плохо вооруженных, тогда как, в случае действительной опасности его владению, мог собрать до 15 000 человек[38].

При свидании с Ребиндером хан склонил его на скорейшее, по возможности, наступательное действие против Сурхай-хана Казикумухского[39], но тот не принял совета хитрого Селима, так как в это время получено было сведение, что к текинскому (нухинскому) хану прибыл посланный из Тегерана, которого он выдавал, однако, за своего родственника. На самом же деле это был бежавший из Елисаветполя Касим-бек, привезший фирманы Аббас-Мирзы к Селиму и Сурхай-хану Казикумухскому. Полковник Карягин требовал выдачи посланного и приказал находившемуся в Арватане отряду, из 107 чел. пехоты[40], 10 казаков и двух орудий,

перейти к Мингечаурской переправе, под предлогом недостатка провианта, от поставки которого для наших войск хан отказался. На требование Карягина Селим отвечал, что Касим-бек хотя и приезжал к границам его владения, но что хан послал сказать, что если он едет с какими-либо приказаниями от Аббас-Мирзы, то будет выдан русским войскам. Касим-бек, по словам Селима, отправился к Сурхай-хану.

Последний, переправившись через р. Куру, подошел к Нухе. В подкрепление находившихся там войск полковник Карягин отправил майора Котляревского с отрядом, собранным из разных полков. В состав его вошло: 55 человек Тифлисского мушкетерского и 62 человека 17-го егерского полков и 16 казаков Сидорова полка. Переправившись у Мингечаура и присоединив к себе тамошний пост, Котляревский должен был идти форсированными маршами на соединение с нухинским отрядом майора Ребиндера, при котором находился и Селим-хан с своею толпой. Сурхай бежал в Дагестан, прежде чем Котляревский успел соединиться, а шекинский хан распускал слух, что он один причиной бегства Сурхая.

11 мая Селим сообщил майору Ребиндеру, что караул его, бывший у селения Белачин, разбит Сурхаем и бежит к селению Кейнюк, а потому он, хан, лично один со своей конницей идет спасать остатки караула от окончательного истребления. Вслед за тем Селим уведомил Ребиндера, что разбил наголову Сурхая, убил у него 1000 лезгин, 700 человек ранил, и за такой подвиг просил себе награды. Эта громкая победа была одной выдумкой нухинского (текинского) хана. Сурхай ушел, потому что нечем было продовольствовать войска, которые разбежались наполовину, а с остальными идти он не решался, боясь встречи с русскими[41]. Котляревский хотел было идти по следам Сурхая, в Джары, но лезгины просили пощады, обещали выдать аманатов и уплатить дань в течение двадцати дней[42]. Приказав им отправить своих депутатов к генерал-майору князю Орбелиани, Котляревский, по приказанию Карягина, 24 мая возвратился обратно в Елисаветполь.

Таким образом, предполагаемое соединение союзников не состоялось, и им не удалось уничтожить русских. Ханы Карабагский (Шушинский) и Шемахинский (Ширванский) ограничились одними обещаниями и не пришли на помощь Селиму с Сурхаем. Видя несостоятельность своих действий открытой силой, они решились действовать разными побочными средствами, и прежде всего затруднением в отпуске нашим войскам провианта, который они обязаны были доставлять на основании заключенных с ними трактатов о подданстве.

Еще при жизни князя Цицианова Селим-хан отказывался доставлять провиант нашим войскам, не соглашался посылать курьеров и давать конвой для сопровождения транспортов, говоря, что подданные его не *почтари*.

Князь Цицианов писал хану, что письмо его, вместе с отговорками, в оригинале представил государю императору, из которого он усмотрит, «какой вы подданный России и что не стоите вы ханства, управлению вашему вверенного. А буде ваше превосходительство халвары, которых, по силе заключенного с вами трактата, вы обязаны ежегодно для продовольствия войск поставлять 529, считая каждый халвар в 10 код, не хотите дать, в том ваша воля. Буде не хотите довольствоваться 500 человек, и трактат подписали в том только расположении, чтобы по оному не исполнять, то и в том воля ваша. Знайте, однако же, что по возвращении моем из похода я покажу вам, как должно соблюдать трактат; я научу вас, что вам должно делать»[43].

Получив это письмо, Селим стал предупредительнее и несколько аккуратнее в доставлении продовольствия, но с кончиной князя Цицианова принялся за прежние проделки. Все вообще войска наши, расположенные по границам закавказских владений, продовольствовались преимущественно хлебом, покупаемым в Карском пашалыке. Сначала, как мы видели, заразительная болезнь, а потом натянутые отношения с Турцией были причиной того, что карский паша, в апреле 1806 года, вовсе отказался продавать нам хлеб. Ему отправлены были в подарок золотые часы, получив которые паша хотя и обещал поставлять хлеб по-прежнему, но поставка эта шла медленно и неаккуратно, отчего войска наши крайне нуждались в продовольствии. Зная сомнительную преданность к нам ханов Карабагского, Нухинского и Ширванского, Глазенап не находил возможным вывести войска из их владений и приказал покупать провиант на месте, хотя бы это стоило больших денег. Вместе с тем, чтобы сколько-нибудь уменьшить расходы казны, Глазенап поручил начальникам отрядов, каждому в своем районе, требовать от ханов поставки провианта, следуемого по заключенным с ними трактатам подданства[44].

Селим-хан Шекинский доставлял продовольствие изредка и притом в самом ограниченном количестве, а Ибрагим-хан Карабагский совершенно отказался от продовольствия русских войск, расположенных в его владениях. Он отговаривался тем, что все поля выжжены персиянами и сами жители не имеют хлеба. Такой отказ Ибрагима побудил стоявших в Карабаге с отрядами майоров Лисаневича и Джораева неоднократно обращаться к хану с просьбой быть более внимательным к выполнению Трактата, причем они принуждены были несколько раз повторить в подробности те условия и обязательства, которые были даны ханом при вступлении его в подданство России.

Привыкший к самовластью и неограниченному деспотизму и будучи стар годами, Ибрагим нелегко переносил подобное вмешательство в дела его ханства. Неискренняя же преданность и отсутствие честных убеждений заставляли его подчиняться той стороне, которая была лично выгоднее для хана, — и вот причина, почему Ибрагим задумал освободиться из-под власти русского правительства и вновь войти в сношение с Баба-ханом.

Частая посылка людей и секретные переговоры с властителем Персии, письма Ибрагима к наследнику персидского престола Аббас-Мирзе были известны нашему правительству, не принимавшему, впрочем, никаких видимых мер против интриг карабагского хана до тех пор, пока тайное отправление в Персию карабагского жителя Нук-Магомета не разоблачило окончательно его поведения[45].

Ибрагим просил шаха простить его за то, что вступил в русское подданство, и обещал выгнать русских из своего ханства, если ему дана будет помощь персидскими войсками. Для лучшего успеха и слития, так сказать, своих интересов с интересами тегеранского двора Ибрагим обещал двух своих дочерей выдать в замужество за двух сыновей властителя Персии.

Искание Ибрагима было неожиданно приятным происшествием для Баба-хана. Торжественно прощая карабагского хана, он обещал прислать ему в помощь свои войска, 120 000 руб. по расчету тегеранской монетой и отдать Карадаг в управление сына его Абулфетха. Обещания Баба-хана, со своей стороны, также сильно подействовали и на Ибрагима. Получив столь удовлетворительный ответ из Персии, он, под предлогом того, что, по вмешательству Лисаневича во внутренние дела его ханства, не может оставаться в Шушинской крепости,

приказал разбить себе палатку вне города, куда и переселился с женой, тремя сыновьями и двумя дочерьми, обещанными в замужество за сыновей Баба-хана.

Заодно с ним действовал и Селим-хан Шекинский, также женатый на дочери Ибрагим-хана. Съехавшись вместе, они сговорились поступать во всем согласно и передаться на сторону персиян[46].

В мае, по всем имевшимся у нас сведениям, главные силы персидских войск находились в Ардевиле, но некоторая часть их, переправившись через Араке у Нахичевани, растянулась вплоть до Эривани. Сборный пункт этому отряду назначен был на р. Гарничае. Предполагая действовать одновременно со стороны Карабага и Эривани[47], персияне надеялись свободно проникнуть в наши границы, так как в виду их русских войск тогда не было.

Река Араке от своего устья до местечка Чувандура имеет плоский и большею частью ровный берег. Когда в Араксе нет покой воды, то река представляет повсюду места, удобные для переправы, но за то в полноводье переправы почти нигде не бывает. От начала весны и до половины июня бродов на Араксе не было, а следовательно, при отсутствии мостов, за исключением одного Худо-Аферинского, нам не было необходимости содержать охранительных отрядов, а достаточно было одних наблюдательных постов.

Переправы персиян через Араке производились всегда у Худо-Аферинского моста и на Шугани на лодках. Ага-Магомет-хан, при последнем вторжении в Грузию, прошел через Аскаранское ущелье. Заняв эти проходы и переправы, мы могли быть обеспечены от неприятельского вторжения. Проход у Аскарани, по близости и удобству для персиян, обращал на себя особенное внимание. Два находившиеся там замка необходимо было занять отрядом по крайней мере в 1000 человек, прислав их в конце мая с месячным провиантом. Ранее этого срока нечего было ожидать вторжения персиян, потому что они не имеют обыкновения заготавливать провиант для своих войск и при всех своих действиях надеются на хлеб, стоящий на корню. На этом основании зимой и ранней весной, а также осенью, по уборке хлеба, персияне неспособны к действию большими массами и ограничиваются грабежами в разных направлениях и небольшими партиями.

Заняв замки в Аскарани и присоединив к этому отряду часть войск, находившихся в Шуше, можно было быть уверенным, что отряд этот не допустит персиян не только вторгнуться и разорить Карабаг, но и не дозволит им переправиться через реку Араке. Составление этого отряда было необходимо даже для одного ободрения туземного населения, страшившегося за свои посевы, которые неприятель всегда старался выжигать[48]. Многие из жителей Карабага уже страдали от прошлогоднего нашествия персиян и в течение более полугода питались зеленью и кореньями.

Считая себя до некоторой степени обеспеченным со стороны Карабага, Несветаев хлопотал о своевременной защите селений правого фланга театра действий и с этой целью назначил для отправления из Елисаветполя в Демурчасалы батальон Севастопольского полка, но генерал-майор Небольсин удержал его в Елисаветполе и тем открыл Шамшадыльскую и Борчалинскую провинции для вторжения неприятеля, стоявшего у Эривани и озера Гокча. Время это было самое неудобное для исправления ошибки Небольсина, и командовавший войсками в Закавказье не имел никакой возможности усилить демурчасальский отряд, так как персияне уже вторглись в наши границы.

1 июня авангард персидских войск, из отряда Аббас-Мирзы, имевшего в своем распоряжении до 20 000 человек, подошел к Шуше и, остановившись в шести агачах[49] от нее, расположился лагерем. Ибрагим-хан выехал из своих садов, где жил, версты четыре за крепость и, собрав от 400 до 500 человек вооруженных, стал укрепляться. Лисаневич требовал, чтобы хан возвратился в Шушу, но он отвечал, что намерен служить шаху и чтобы Лисаневич с своими войсками выходил из его владений.

– Я не признаю над собой никакой другой власти, – говорил Ибрагим, – кроме власти персидского шаха.

Известие о приближении персиян заставило многих жителей искать спасения в крепости – обыкновенном месте их убежища при всяком вторжении неприятеля; но Ибрагим убеждал их быть спокойными и оставаться в своих селениях, говоря, что персияне идут для его и их защиты, – и чтобы они ничего не боялись». Кочующие в Карабаге татары получили приказание хана следовать в горы, неподалеку от Шуши лежавшие, куда должны были прибыть персияне на соединение с татарами.

Измена становилась слишком очевидной; медлить было нечего. Желая употребить все средства к возвращению Ибрагим-хана, Лисаневич отправил к нему сначала его внука Джафар-Кули-бека[50], а потом и сына Мехти-агу, с поручением уговорить хана разорвать всякую связь с персиянами и возвратиться со всем семейством в крепость. Первый из отправленных был человек искренно преданный России, а второй старался казаться таковым, но на самом деле был скрытен, хитер и чрезвычайно властолюбив.

Пробыв у Ибрагима целый день, оба посланные возвратились обратно и объявили Лисаневичу, что на все уговариванье их хан отвечал только бранью русских; что он просил своего внука Джафара каким-нибудь образом зазвать к себе Лисаневича, схватить его и передать деду и, если можно, выкрасть из Елисаветполя брата Ибрагима, находившегося там аманатом. Джафар не согласился на это, и тогда Ибрагим, не стесняясь, объявил, что в предстоящую ночь или сам уйдет к персиянам, или персияне соединятся с ним под стенами крепости.

Мехти-ага и Джафар-Кули-хан пытались было еще отговорить карабагского хана не изменять русским.

– Это не дело изменять, – говорили они, – не делай этого, служи государю верно.

Но Ибрагим не слушал и настаивал на своем[51].

В Шушинской крепости находился весьма незначительный русский гарнизон, и притом не обеспеченный продовольствием. Осадив Шушу, персияне поставили бы его в весьма затруднительное положение, тем более что могли получить подкрепление от Аббас-Мирзы, переправившегося уже через Араке и имевшего возможность в два перехода появиться у стен Шушинской крепости.

Не имея надежды привести Ибрагима к раскаянию и покорности, Лисаневич решил в ту же ночь арестовать хана. Назначив сто человек егерей, Лисаневич сам отправился с ними, но приказал людям отнюдь не стрелять до тех пор, пока не откроют огня приверженцы Ибрагима.

Старый хан был настороже. Начиная от крепости и до его палатки были расставлены часовые, не подозревавшие, впрочем, обходного движения Лисаневича. Ибрагим-хан и его приближенные заметили наш отряд только тогда, когда он подошел к палатке менее чем на ружейный выстрел. В ханском помещении поднялись шум и суета. Конвой Ибрагима начал стрелять по нашим солдатам и не слушал ни увещаний, ни просьбы прекратить огонь. Тогда Лисаневич приказал егерям броситься в штыки, «и вмиг изменники были сбиты с крепкого их места».

Ибрагим-хан был убит пулей; сын его и дочь найдены также убитыми недалеко от палатки в кустах, куда они бежали вместе с толпой и в ночной темноте не могли быть узнаны нашими солдатами.

В ту же ночь явился к Лисаневичу один из жителей с объявлением, что в самом непродолжительном времени должны прибыть к Шуше 2000 персиян, за которыми послал Ибрагим-хан. Лисаневич тотчас же возвратился в крепость и на рассвете узнал, что неприятель действительно появился в двух верстах от крепости. Взяв 150 человек егерей и несколько карабагской конницы, он двинулся навстречу неприятелю, но не нашел его на указанном месте. Бежавшие приверженцы Ибрагима, встретившись с персиянами, сообщили им об участии, постигшей хана, и вместе с ними скрылись в горах, так что Лисаневич успел только возвратить в селения несколько татарских семей, также ушедших в горы, по приказанию Ибрагима.

Между тем известие о появлении персиян в разных пунктах и вблизи наших границ заставило тифлисское начальство изменить расположение войск. Два батальона Троицкого мушкетерского полка, под начальством генерал-майора Небольсина, отправлены сначала на реку Курак-Чай, с тем чтобы, расположившись там лагерем, были готовы, по первому приказанию, двинуться в Карабаг. Две роты третьего батальона того же полка посланы на усиление отряда полковника Симоновича, расположенного в Памбаках и Шурагели. Имея в своем распоряжении Саратовский мушкетерский полк и батальон Кавказского гренадерского полка, Симонович должен был охранять эти две провинции от вторжения неприятеля. Он начал свою деятельность с того, что перевел всех пограничных жителей Шурагели из слабых мест в более крепкие и защищенные природой, каковыми были: селения Артик, Караул-Тепь и Кавчаго. Расположив в каждом из селений по две роты[52], Симонович принял над ними личное начальство. Заняв селение Гумры двумя ротами Кавказского гренадерского полка с двумя орудиями, а селение Гамамли ротой Саратовского полка, Симонович обеспечивал все важнейшие места Шурагельской провинции[53].

Для защиты Казахской и Шамшадильской дистанций и главнейшим образом для обеспечения сообщения Тифлиса с Елисаветполем были отправлены в Демурчасалы остальные две роты Троицкого мушкетерского полка, к которым впоследствии, по усмирении хевсур, были присоединены из Тионет две роты Кабардинского полка с тремя орудиями.

Два батальона Троицкого полка, расположенные на р. Курак-Чай, не долго оставались на месте. Как только Несветаев узнал об измене Ибрагим-хана, он тотчас же приказал генерал-майору Небольсину присоединить к себе полковника Карягина с частью 17-го егерского полка и следовать в Карабаг для защиты жителей от разорений неприятеля. Имея в строю 1092 человека пехоты, 13 человек казаков и восемь орудий[54], Небольсин 5 июня выступил из лагеря и за три перехода от Шуши узнал, что часть персиян, под начальством Угурлу-аги, сына

ганжинского Джавад-хана, появилась на р. Тертере, близ Елисаветполя. Не отвлекаясь посторонними действиями и предоставляя Угурлу-аге писать громкие воззвания к жителям[55], Небольсин следовал далее, и 8 июня, на пути между Шах-Булагом и Аскаранью, был атакован передовой конницей Аббас-Мирзы в числе 4000 человек. Прокладывая себе дорогу штыками на расстоянии 16 верст, Небольсин, хотя и с большим затруднением, достиг, однако же, до Аскарана, где и присоединил к себе 109 человек строевых чинов, пришедших туда с майором Лисаневичем.

Считая себя достаточно сильным, чтобы с успехом бороться с неприятелем, Небольсин решился атаковать персиян. Оставив обоз и тяжести в Аскаране под прикрытием одного орудия и части пехоты, он, 10 июня, двинулся к Карапапету, где были расположены главные силы Аббас-Мирзы, но, не застав там неприятеля, пошел к речке Ханатин. В час пополудни 13 июня русский отряд, пройдя не более семи верст от лагеря, был встречен персидской конницей, позади которой, в Ханатинском ущелье, была расположена пехота. Аббас-Мирза успел сосредоточить на этом пункте 4000 пехоты и около 16 000 кавалерии[56]. Он притянул к себе все мелкие отряды и даже тот, который имел стычку с Небольсиным между Шахбулагом и Аскаранью.

С рассветом вся масса неприятеля атаковала русский отряд. Атака персиян не отличалась ни стройностью, ни порядком – это был наезд толпы, старавшейся окружить нас со всех сторон. Для отражения такой атаки каре и штыки были лучшими тактическими действиями, а наступление на лагерь или на вагенбург – лучшими стратегическими соображениями. Потеря лагеря или выюков были особенно страшны для персиян, потому что они, лишившись средств к существованию и рассыпавшись в разные стороны, принуждены бывали путем грабежа местных жителей искать средств к продовольствию.

В данном случае генерал-майор Небольсин поступил точно так же. Не останавливая своего движения и построив войска в каре, он подавался вперед, штыками выгнал персиян из ущелий и заставил их вместе с Аббас-Мирзой отступить к Араксу. Неприятель потерял много убитыми, ранеными и два фальконета; с нашей же стороны убито восемь, ранено: обер-офицеров четыре и нижних чинов 52 человека. Затем майор Лисаневич, пройдя форсированными маршами в верховья реки Мигри, 20 июня разбил и прогнал встреченную там партию персиян[57].

Одновременно с появлением персиян в Карабаге, царевич Александр, с 7000 человек персидских войск, прибыл на реку Балахлу, в расстоянии одного дня езды от Казахской провинции. Отсюда он отправил к казахам своего посланного с требованием, чтобы они прислали ему, в знак верности, четырех старшин. Оставив их у себя в качестве аманатов и обещая избавить Грузию от власти русских, царевич 12 июня потянулся к Шамшадильской провинции. Цель его движения состояла в том, чтобы поднять против нас одновременно казахов и шамшадильцев и затем, соединясь с Аббас-Мирзой, двинуться к Тифлису. Остановившись близ озера Гокча, персияне разделились на две части: одна, под начальством царевича Александра, расположилась у Торчал, а другая, под командой Хусейн-Кули-хана Урумийского, перешла в вершины Дзагами, в 80 верстах от Елисаветполя.

Не предпринимая никаких решительных действий, оба отряда ожидали соединения с главными силами Аббас-Мирзы, который намеревался, через Карабаг и Елисаветполь, следовать к Тифлису. Среди весьма продолжительного ожидания как царевич Александр, так

и Хусейн-Кули-хан старались привлечь на свою сторону подвластных России жителей. Хусейн отправил казахам и шамшадильцам воззвание и требовал от всех агаларов, чтобы они соединились с персиянами для действия против русских, которых обещал истребить всех до единого.

«По повелению всемилостивейшего и великого Шах-заде (Аббас-Мирзы), – писал он в одной из прокламаций, – я отправлен для управления и распоряжения делами тифлисской стороны и, при милости Божией, прибуду туда с бесчисленными войсками через короткое время. Объявляю вам, как народам и соседям вашим, что всегда желаем иметь к вам почтение, и вы должны быть удостоверены, что получите такую милость, которой не ожидали. Будьте рачительны к службе без всякого опасения и страха, дабы по прибытии Шах-заде была оказана ваша служба».

Царевич Александр писал также, что прибыл с значительным войском в Шарур и что агалары должны встретить его с «повиновением». Царевич уверял, что на этот раз пришел не даром, но или погибнет со всем своим войском, или выгонит «мерзкого неприятеля» и истребит его мечом непобедимых войск своих. «Вам известно, – писал он, – что предмет толиких походов и беспокойствия войск государевых (Баба-хана) есть избавление ваше и спокойствие. Карабагское дело почти сделано, высочайший же и милостивейший Шах-заде, переправясь через Худо-Аферинский мост, поставит войска для блокады Ганжи (Елисаветполя), а сам изволит отправиться на Тифлис. Кто выедет навстречу, тот получит милость, а кто воспротивится, наказан будет сильным мечом»[58].

Угрозы не действовали; агалары не ехали ни к царевичу, ни к Хусейн-Кули-хану. Александр снова писал им, чтобы они не боялись действовать открыто и ехали к нему смело. Если же думают, что персидские войска, не удержавшись в Грузии, возвратятся назад, а они останутся в руках русских, то пусть пришлют к нему нескольких почтенных лиц удостовериться, с каким числом войск идет он на Грузию. «Но когда вы увидите, – писал царевич, – что от сего войска никакого следствия не может быть, то сидите на месте. Богом клянусь вам, что такого приготовления никогда не было, как ныне, и весьма стараются на сей раз истребить русских и дело привести в совершенство».

Посланные вместе с письмами, при самом их вступлении в Казахи, были схвачены и отправлены в Тифлис. Казахскому моураву, надворному советнику князю Бебутову, поручено вести переговоры с царевичем Александром и предложить ему приехать в Тифлис, не ожидая победы, а с покорностью и с просьбою о прощении. Как ни велики были, по словам царевича, силы персиян, но он предпочел отвечать Бебутову, что готов покориться, если выдано будет ему письменное ручательство в его безопасности; если примут с почестью, как его, так и всех при нем находящихся, и, наконец, если дозволено будет по прибытии в Тифлис написать прошение императору Александру[59].

Несветаев обещал принять Александра с почестью и предоставить ему выгоды и преимущества, «которыми, – писал он, – обильно пользуются светлейшие ваши братья и все члены грузинского царственного дома»[60].

Гудович же не одобрил поступка Несветаева и, не желая показать, что русское правительство придает большое значение возвращению царевича, приказал сообщить ему, что отличных почестей себе он требовать не может, а будет принят «так, как и братья его царевичи принимаются, партикулярно»[61]; приближенным же его будет исходатайствовано прощение».

Относительно последних Несветаеву было поручено, в случае успеха в переговорах с царевичем, стараться впускать с ним в Грузию как можно меньше свиты, дабы наплыв беглых грузин, явившихся в страну под видом раскаяния, не имел в действительности вредного влияния на жителей.

Личные обещания Несветаева не удовлетворили царевича Александра, считавшего их недостаточными для своего благосостояния. В ответе своем он писал, что готов ехать в Тифлис, но с тем непременным и единственным условием, что будет оставлен в Грузии, а не отослан в Россию.

«Будьте уверены, – писал он генералу Несветаеву, – что если я буду на моей родной земле, то это составит мое успокоение, благоденствие и великую государеву милость; а если не буду в моей отчизне, то не успокоюсь. Если вы меня оставите на моей родине – куда как хорошо; если же вызовете в Россию, то сколько бы сокровищ ни посулили – зачем они мне?»

Царевич говорил, что останется верен или русскому императору, или шаху, смотря по тому, кто даст ему средства жить в родной стране, и если сделает это русский император, то Александр обещал ему служить так, как служили Христу святые мученики, пролившие за него кровь свою. На обещание прощения прежних поступков царевич писал Несветаеву, что не знает за собой вины, и в этом случае поступал не чистосердечно; он хорошо знал, что кругом виноват перед русским правительством.

«Ты пишешь мне, – говорил Александр в письме своем князю Иосифу Бебутову, – изволь-де прибыть и довериться русским, и Государь-де милосерд и много окажет милостей. Но по этому слову как можно мне так скоро прибыть и помириться, если 10 и 12 подобных дел не пройдет и я не буду весьма обнадежен? Вот теперь я тебе пишу: иди и помирись с персиянами, пред которыми ты не провинился и которые никакой вражды за тобой не знают; разве сейчас же пойдешь и доверишься им, пока они пять и шесть раз тебя не обнадежат? Подумай-ка, рассмотри и обсуди, можно ли мне так скоро предаться им (русским)? Ведь сколько раз я с ними воевал, сколько русских побито чрез меня, как же мне зря взять да и прийти? Да хотя бы меня и обнадежили твердо и неизменно, все-таки сперва я и ты должны видеться между собой, поговорить в одном просторном месте, обменяться лицом к лицу своими мыслями и затем уже, когда мое сердце уверится и я буду обнадежен, статья может, что и передамся»[62].

Свидания этого не последовало, так как обстоятельства заставили царевича Александра удалиться от границ Грузии.

Неудачная попытка Аббас-Мирзы в Карабаге и бегство его за реку Араке разрушили все планы царевича и поставили его в опасное положение человека, рискующего быть окруженным со всех сторон и попасться в руки неприятеля. Действительно, удаление Аббас-Мирзы позволяло нам открыть действия против Александра одновременно с разных сторон, и Несветаев не преминул этим воспользоваться. Он приказал находившемуся в Елисаветполе майору Просвиркину взять 200 человек пехоты, два орудия и 300 человек обывательской конницы, с которыми и действовать против Хусейн-Кули-хана, стоявшего у вершины Дзегамского ущелья. Другой отряд, под начальством Кабардинского мушкетерского полка подполковника князя Эрнстова, получил приказание двинуться Делижанским ущельем к озеру Гокча и тем заставить царевича Александра удалиться от шамшадильских границ. Чтобы еще более развлечь неприятеля, подполковнику Эрнстову приказано было отделить из своего отряда 40

человек, которых и отправить в Шам-шадыль с майором Новицким. Приняв начальство над тамошними войсками и присоединив к себе возможно большее число шамшадыльской конницы, майор Новицкий должен был следовать ближайшей дорогой на отряд царевича, разобщить его с отрядом Хусейн-Кули-хана, своими действиями привлечь на себя внимание Александра и занять его до тех пор, пока Эрнстов не зайдет ему в тыл.

Чтобы персияне от Гарни-Чая или Эривани не могли подать помощи Хусейн-Кули-хану, признано полезным сделать диверсию из Памбак к Эривани по абаранской дороге. Полковник Симонович с 350 человеками пехоты, при трех орудиях и с некоторым числом татарской конницы, получил приказание сделать вперед два перехода от Караван-сарая и потом послать партию к озеру Гокча. Наконец, со стороны Караклиса двинут был майор Загорельский со 150 человеками гренадер.

Всем начальникам отрядов при приближении к назначенным местам вменено в обязанность снестись между собой и действовать совокупными силами[63]. План, хорошо задуманный, не был так же хорошо исполнен, и совершенное истребление неприятеля не состоялось. Трудные переходы по весьма гористой местности задержали многие отряды, и они опоздали занять назначенные им пункты. Персияне, проведавшие о движении русских отрядов с разных сторон, опасаясь быть окруженными, бежали в одиночку через горы такими дорогами, по которым сомкнутыми частями следовать было невозможно. Царевич Александр счел лучшим также уйти, но, отступая, наткнулся на отряд подполковника князя Эрнстова, потерпел поражение и бежал в Эривань. С удалением его Елисаветпольская, Казахская, Шамшадыльская и Памбакская провинции были совершенно успокоены. Большая часть жителей Карабага, скрывавшаяся от неприятельского разорения в разных неприступных местах, возвращалась теперь в свои селения. Смерть Ибрагим-хана не произвела между ними никакого замешательства, и большинство жителей не только не сожалело о кончине хана, но, напротив, было даже радо такому происшествию. «Будьте известны, – писал карабагский чиновник Мамед-ага дочери покойного Ибрагим-хана, – что намерение всего народа есть то, чтобы весь род покойного Ибрагим-хана был уничтожен. Мы точно и твердо знаем, что из ханского роду здесь мой Мехти-Кули-хан, а там вы, а прочие никто не желают осчастливиться сему дому»[64].

В трактате, заключенном с карабагским ханом, было сказано, что новый хан должен быть избираем потомственно по старшинству колена. Таким образом, после смерти Ибрагима Карабагское ханство должно было перейти к старшему его сыну, Мамед-Хасан-аге, а так как он умер еще при жизни отца, то к сыну его Джафар-Кули-аге, восемнадцатилетнему юноше. Мехти-Кули-ага, второй сын Ибрагима, также явился претендентом на ханское достоинство. При помощи обещаний и отчасти угроз он заставил 65 человек разного звания людей подписать просьбу о том, что Карабаг желает его иметь своим ханом. Заручившись этой просьбой, Мехти отправился в Тифлис, куда поехал также и Джафар-ага, считавший себя законным наследником Карабагского ханства.

Оба претендента хлопотали об одном и том же ханском достоинстве и имели каждый партии себе преданных, причем партия Мехти была сильнее и многочисленнее партии Джафара. Первый своим ловким поведением успел обмануть многих, привлечь на свою сторону более уважаемых беков и вообще повести дела так, что, по-видимому, пользовался большим уважением и преданностью народа. Оба искателя ханского достоинства казались расположенными к России, с той только разницей, что, как открылось впоследствии, Джафар

был человек чистосердечно нам преданный, тогда как Мехти делал это из расчета: оба они не только не принимали никакого участия в восстании, но, напротив, своими действиями способствовали к усмирению волнений и к изгнанию неприятеля из Карабага. Мехти хлопотал потом об уборке хлеба жителями и о доставлении продовольствия русским войскам, а Джафар о возвращении жителей, уведенных персиянами[65].

Сознавая, однако же, что племянник его Джафар имеет больше прав на управление Карабагом, Мехти не пренебрегал ничем, чтобы достигнуть предположенной цели. Узнав, что в Тифлисе жил бывший хойский Джафар-Кули-хан, человек, уважаемый нашим правительством за оказанные им услуги России во время управления краем князя Цицианова, Мехти стал действовать через него. Однажды ночью, пробравшись в дом Джафара, Мехти просил его, чтобы он уговорил графа Гудовича утвердить его ханом. Джафар долго не соглашался вмешиваться в посторонние для него дела и уступил просьбе Мехти только тогда, когда тот обещал, в знак благодарности, отдать в жены Джафару сестру свою Геоухер, известную красавицу во всем Закавказье.

Продолжить чтение

Примечания

1

Рапорт Завалишина графу Гудовичу 4 сентября 1806 г., № 530. Рапорт полковника Штауде ему же, 13 сентября, № 377.

2

В рапорте государю императору от 15 февраля 1806 года. Арх. Мин. иностр. дел, 1 – 13, 1806–1815, № 2.

3

Рескрипт Глазенапу 22 марта 1806 г. Военн. учен, архив, дело № 2416. Предписание Глазенапа генералу Портнягину 9 марта, № 7. Письмо графа Ливена Глазенапу 25 мая. Тифл. арх. Главн. шт. Кав. арм., дело № 33.

4

Предписание Несветаева ко всем командирам отдельных частей, от 8 марта 1806 года.

5

Несветаеву от 16 марта, № 202. Тифл. арх. шт. Кавк. воен. округа, дело № 86.

6

В мусульманских провинциях и в Персии под именем *инжектора* известен был из всех главнокомандующих только один князь Цицианов.

7

От 16 апреля 1806 г. Арх. Мин. иностр. дел.

8

В подробностях Белевский полк был расположен: гренадерский батальон и два орудия, в которых было 21 офицер и 457 человек нижних чинов, находился в Кутаисе; три мушкетерские роты: 10 офицеров и 306 нижних чинов в м. Марани; три роты с четырьмя орудиями, 12 офицеров, 210 человек нижних чинов, в Редут-Кале. Одна рота: три офицера, 83 рядовых в крепости Рухе, на абхазской границе. Одна рота: четыре офицера, 117 рядовых в Лечгуме и Лайлате (Рыкгоф Несветаеву, 2 апреля, № 181, дело № 309).

9

Рапорт Рыкгофа генералу Несветаеву 20 мая, № 112. Тифлис, арх., дело № 309.

10

Предписание Глазенапа Портнягину 19 апреля, № 97. Там же.

11

Полк этот, под начальством своего шефа, генерал майора Небольсина, вступил в Тифлис 13 мая 1806 года.

12

Письмо князя Чарторижского князю Цицианову 14 февраля 1806 г. Арх. Мин. иностр. дел, 1 – 13, 1806–1815, № 3.

13

Рапорт правителя Грузии министру внутренних дел 16 июля 1806 года.

14

Прошение грузинских князей 16 июня. Тифлис, архив.

15

Рапорт правителя Грузии министру внутренних дел, 16 июня, № 637.

16

Уволенного от службы за самовольную отлучку.

17

Отношение министра внутренних дел графу Гудовичу, 12 октября, № 2081.

18

Всепопданнейший доклад 30 апреля. Арх. Мин. иностр. дел, 1—13, № 2.

19

Князю Цицианову на такое употребление было отпущено в сентябре 1806 года 200 000 руб.

20

По современным статистическим сведениям, насчитывалось: в Джаро-Белоканах 8000 дворов, в Мингрелии 15 000 дворов, в Ганжинской области до 8000 дворов, в Имеретин до 40 000 дворов, в Карабаге до 4000 дворов, в ханствах: Шекинском (Нухинском) до 20 000 дворов, Шемахинском (Ширванском) до 25 000 дворов и в Шурагельской провинции 2000 дворов (Арх. Мин. иностр. дел. 1 – 18, № 2).

21

Полки эти были: Кавказский гренадерский; мушкетерские: Кабардинский, Тифлисский, Севастопольский, Саратовский и Троицкий; егерские: 9, 15 и 17-й полки, Нарвский драгунский и 7-й артиллерийский батальон, из которого, согласно положению, утвержденному 23 августа 1806 г., сформирована Кавказская и Грузинская артиллерийские бригады. *На Кавказской линии* находились полки: драгунские: Владимирский, Таганрогский, Нижегородский и Борисоглебский; мушкетерские: Суздальский, Херсонский, Вологодский, Казанский и 16-й егерский.

22

Всепопданнейший доклад Министерства иностранных дел 30 апреля 1806 г.

23

Арх. Мин. иностр. дел, 1—13, № 2.

24

Рескрипт графу Гудовичу 18 июня. Арх. Мин. иностр. дел, 1—13, № 2.

25

См. Акты Кавк. археогр. комиссии, т. VII, № 160.

26

Мнение графа Гудовича от 12 июня, представленное императору. Арх. Мин. иностр. дел, 1 – 13, 1806 г., № 2–5.

27

Всепопданнейший рапорт от 27 июля. Арх. Мин. иностр. дел, 1 – 13, 1806 г., № 2.

28

Там же.

29

Граф Ливен барону Будбергу, 11 августа. Арх. Мин. иностр. дел, 1–13, № 2.

30

Рапорт майора Ребиндера полковнику Карягину, 10 апреля.

31

Рапорт князя Орбелиани Несветаеву, 18 марта, № 90.

32

В отряде находилось нижних чинов Кабардинского полка 369; 15-го егерского 298; казачьего Ребрикова 262, 7-го артиллерийского батальона 87; всего 893 человека. Из этого числа было в Александровском редуте 123 человека Кабардинского полка (Рапорт князя Орбелиани Несветаеву, 19 марта, № 3. Тифл. арх. Глав. шт. Кавк. армии, дело № 297).

33

Письмо, приложенное к рапорту Карягина генералу Несветаеву, 2 апреля, № 235. Тифлис, арх. Гл. шт. Кавк. армии, дело № 297.

34

Рапорт Карягина Несветаеву, 6 апреля, № 252. Там же.

35

Предписание Несветаева Карягину, 15 апреля, № 489.

36

Арх. Мин. иностр. дел, 1 – 13, 1806 г., № 2.

37

Тифлис, арх. Гл. шт. Кавк. армии, дело № 297.

38

Рапорт майора Ребиндера Карягину, 15 апреля, № 85.

39

То же, 13 апреля, № 84.

40

Кавказского гренадерского полка 53 чел. и Тифлисского мушкетерского 54 человека.

41

Выписки происшествий. Тифлис, арх. Гл. шт. Кавк. армии. Книга донесений, 241.

42

Рапорт Котляревского Карягину 21 мая, дело № 297.

43

Письмо князя Цицианова Селим-хану 29 января 1806 г. Тифлис, арх. Гл. шт. Кавк. армии, дело № 124.

44

Предписание Глазенапа Несветаеву 10 мая, № 115, дело № 209.

45

Впоследствии сын его и карабагские старшины, подавшие жалобу на поступки Лисаневича, не отрицая того, что Ибрагим имел сношение с персиянами, говорили, что причиною тому было желание хана до прибытия русских войск сохранить свое владение от нового разорения и «дабы по прошлогоднему не лишиться урожая».

46

Перехваченное письмо карабагского чиновника Мамед-аги к Селим-хану.

47

См. Акты Кавк. археогр. комиссии, т. III, № 598.

48

Рапорт Лисаневича полковнику Карягину 18 марта, № 45.

49

Агач почти равен немецкой миле.

50

Джафар-Кули-бек был сын умершего наследника Мамед-Хасан-аги, человека нам преданного, при посредстве которого Ибрагим согласился вступить в подданство России.

51

См. Акты Кавк. археогр. комиссии, т. III, № 600 и 615.

52

В Артике были расположены две роты Троицкого полка; в Караул-Тепи – Кавказского и в Кавчаго – Саратовского полков.

53

Рапорт Несветаева генералу Глазенапу от 16 июня, № 1287.

54

В отряде Небольсина находилось: Троицкого мушкетерского полка 726 строевых рядовых; Тифлисского мушкетерского 117 человек; 17-го егерского 249 строевых рядовых; казаков Сидорова полка 66 человек; Кондра-шева 47 человек и 8 орудий 7-го артиллерийского батальона с 98 человеками прислуги (Рапорт Небольсина Несветаеву 4 июня, № 561, Тифлис, арх. Гл. шт. Кавк. армии, дело № 312).

55

«Вы всегда усердные подданные были нам, – писал Угурли-ага елисаветпольским жителям христианского исповедания, – и никогда не отказывались от службы нашей. Если вы опасаетесь со стороны того, что вы крестопоклонники и, по прибытии нашем и завладении страной, будем давать татарам почести, а вас притеснять, то клянусь вам Богом и душою покойного отца моего, что будем давать вам почести, нимало не различая от татар. Если вы полагаете, что нынешний поход будет сообразен прежним походам, т. е. на короткое время, и мы опять возвратимся, то это не так, а сего года останемся здесь, и Шах-заде будет в здешних

владениях, и будьте уверены, что персияне не оставят сие намерение, а напротив того, сам государь с многочисленными непобедимыми войсками изволил выступить из Тавриза и находится в Софияне. Ежели вы окажете свое усердие, получите милость, а если нет, то напрасно предадитесь разорению» (Тифлис, арх. Гл. шт. Кавк. армии, книга донесений, № 243).

56

Рапорт Небольсина Несветаеву 14 июня, № 575.

57

Рапорт Лисаневича Небольсину, 9 июля № 156. Тифлис, арх. Гл. шт. Кавк. армии, дело № 312.

58

Письмо царевича. Книга донесений, № 241.

59

Рапорт князя Бебутова правителю. Грузии, 25 июля, № 185.

60

Рапорт Несветаева Глазенапу, 31 июля, № 1092. Книга донесений № 241.

61

Секретное предписание Несветаеву, № 5.

62

От 24 августа 1806 году. Акты Кавк. археогр. комиссии, т. III, № 121.

63

Рапорт Несветаева Глазенапу, 29 июня, № 1464. Книга донесений, № 241.

64

Тути-бегюм, бывшей замужем за Селим-ханом Шекинским. См. Акты Кавк. археогр. комиссии, т. III, № 607.

65

Рапорт Несветаева генералу Глазенапу, 18 июля. Акты Кавк. археогр. комиссии, т. III, № 602.